

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

УДК 914:339.9

DOI 10.17072/2079-7877-2018-2-28-39

**ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*****Александр Георгиевич Дружинин**

ORCID ID: 0000-0002-1642-6335, Researcher ID: E-5423-2018, Author ID: 149025

e-mail: alexdru9@mail.ru

*Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону,**Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград*

Проанализирован тренд эволюции экономических связей России и Украины за постсоветский период. Благодаря иссякающей «инерции СССР», глобализации и влиянию ведущих «центров силы» двухсторонние российско-украинские связи испытывают деградацию и дезагрегацию, утрачивают свою былую «эксклюзивность». Существенным вызовом для экономического взаимодействия России и Украины стал и новый (инициированный усилением влияния Китая и в целом «перетоком» экономического и демографического потенциала на юго-восток Евразии) виток геополитического и геоэкономического «передела» евразийского пространства. Разворачивающийся в этом контексте кризис российско-украинских отношений существенно лимитирует возможности развития двух стран, обуславливает нарастание черт периферийности в их экономиках и зависимость от глобальных хозяйственных и политических акторов.

Ключевые слова: российско-украинские отношения, внешнеэкономические связи, геоэкономика, геополитика, Россия, Украина, Евразия.

**THE EVOLUTION OF RUSSIAN-UKRAINIAN RELATIONS
IN THE POST-SOVIET PERIOD: GEOECONOMIC ASPECT****Alexander G. Druzhinin**

ORCID ID: 0000-0002-1642-6335, Researcher ID: E-5423-2018, Author ID: 149025

e-mail: alexdru9@mail.ru

*Southern Federal University, Rostov-on-Don**Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad*

The article analyzes the evolution of economic ties between Russia and Ukraine over the past quarter century. It is shown that bilateral Russian-Ukrainian relations are experiencing degradation and disaggregation, and losing their “exclusivity” due to diminishing the “USSR inertia”, globalization and the influence of leading “power centers”. The new round of geopolitical and geoeconomic “redistribution” of the Eurasian space (initiated by the increasing influence of China and the overall “flow” of the economic and demographic potential to the South-East of Eurasia) has become a significant challenge for economic cooperation between Russia and Ukraine. The crisis in Russian-Ukrainian relations, unfolding in this context, significantly limits the development opportunities for the both countries, leads to the increase in peripheral traits in their economies, and multiplies dependence on global economic and political actors.

Keywords: Russian-Ukrainian relations, foreign economic relations, geo-economics, geopolitics, Russia, Ukraine, Eurasia.

Введение

В системе постсоветского пространства двухсторонние отношения России и Украины имеют принципиальное значение, служат предметом непрекращающихся дискуссий [22, 28, 32 и др.]. Особо важную, стержневую роль в российско-украинском дискурсе занимают такие экономические аспекты,

© Дружинин А.Г., 2018

* Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 18-010-00015 «Модели, эффекты, стратегии и механизмы включения западного порубежья России в систему «горизонтальных» межрегиональных экономических связей в контексте формирования «Большой Евразии»

как динамика и структурные пропорции развития двух стран, степень, основные факторы, проявления и следствия их хозяйственной взаимозависимости, а также ориентации на иные «центры силы», трансграничное и приграничное сотрудничество, сопряжённость политико-идеологических и экономических интересов в выстраивании межгосударственных связей, их созвучность евроинтеграции и др. Продолжая обсуждение данной тематики (с учётом реалий и последствий «украинского кризиса» и спровоцированного им нарастания политической и экономической дистанции между Украиной и Российской Федерацией), в предлагаемой статье попытаемся не только выявить тренд эволюции экономических связей России и Украины за последнюю четверть века, но и показать влияние на него меняющегося глобального контекста, знаменующего перспективу новой реконфигурации геоэкономического (а, соответственно, и геополитического) ландшафта Евразии.

Постсоветская динамика эволюции экономических связей России и Украины: геоэкономические и геополитические детерминанты. В Советском Союзе как Россия (РСФСР), так и Украина (УССР) являли собой важнейшие, глубоко взаимно интегрированные каркасные элементы единой масштабной территориально-хозяйственной системы. УССР при этом концентрировала широкий спектр добывающих производств, обеспечивая 72% потребностей СССР в марганце, 48% добычи железной руды, 21% – угля [37], и предприятий первого передела (41% общесоюзного производства чугуна, 27% стали, 25% проката и др.), специализировалась как поставщик высокотехнологичных (в том числе на базе почти 700 предприятий военно-промышленного комплекса, обеспечивающих работой более 1 млн высококвалифицированных специалистов) и продовольственных товаров (до 25% общего по Союзу валового сбора зерновых, 22% мяса в убойном весе, 51% производства сахара-песка, 25,9% животного и 32,3% растительного масел [30]), выступала значимой для всего СССР транспортно-логистической [11] и туристско-рекреационной территорией [24]. К концу 1980-х её вклад в общесоюзное производство сельхозпродукции достигал 22,1%, продукции промышленности – 16,8%, произведённом национальном доходе СССР – 17,4% (что, кстати, несколько уступало доле республики в численности населения Союза – 18,0%). Будучи (в сопоставлении с РСФСР) плотно заселённой и насыщенной инфраструктурой, Украина при этом являлась изначально в существенной мере энергозависимой от внутрисоюзных поставок (на её долю в 1988 г. приходилось лишь 4,2% общесоюзного производства природного газа, 0,9% – добычи нефти [30]) и одновременно экономически неравновесной РСФСР. С распадом Советского Союза экономическая асимметрия в системе «Украина–Россия» обрела ещё большую рельефность: если в едином общесоюзном пространстве генерируемый республиками национальный доход соотносился как 3,75 к 1 (в пользу России), то уже в 1991 г. согласно статистике Всемирного банка соотношение ВВП двух стран составляло 6,7 к 1. Это уже само по себе предопределяло неравенство «стартовых» возможностей, последующие различия в глобальном позиционировании двух стран, установление между их хозяйственными системами выраженных, периодически нарастающих центр-периферийных градиент и связанных с этим взаимозависимостей и противоречий.

После 1991 г. сохраняющиеся экономические взаимосвязи стали одним из подтвержденных спонтанной эрозии, но тем не менее реальных «скрепов» российско-украинских отношений. Они же, впрочем, порождали и неустойчивый, временами негативный (обострявшийся, в частности, в период так называемых «газовых конфликтов» 1993, 2005–2006, 2007–2008, 2008–2009 гг., взаимных ограничений на поставку товаров и т.п.) внешнеполитический контекст, инициировали постепенное ментально-психологическое отчуждение двух культурно, исторически и генетически близких народов, провоцировали конфликт их олигархических группировок и политико-экономических элит.

Инерционность «фактора советской экономики» (затянувшийся на десятилетия распад хозяйственных и технико-технологических взаимозависимостей) при этом корреспондировала с эффектами глобализации и рыночной трансформации и, соответственно, параллельностью (но не тождественностью) «встраивания» экономических комплексов России и Украины в мирохозяйственную систему, их переформатирования, «свёртывания», обретения периферийных черт на фоне проявившейся (и всё возрастающей) межстрановой конкуренции. В складывающемся контексте на двухсторонние российско-украинские отношения всё возрастающее влияние стали оказывать и геоэкономические интересы основных «центров силы», транснациональных компаний; резко возросла также роль геополитических обстоятельств: установившейся (пусть и на непродолжительный период) однополярности «вестернизированного» мира, а также одномоментно рельефно проявившейся (в том числе и на постсоветском пространстве) «европоцентричности» постсоветских государств (хозяйственной, политической, ментальной), сочетающейся с волнообразно-последовательной экспансией структур «Запада».

К началу рыночных реформ по «размеру» своей экономики (ВВП по официальному обменному курсу) Россия уступала Германии более чем в 4 раза, а Украина – почти в 28 раз. Ещё существеннее были различия с группировкой государств, которые уместно обозначить как «Старый европейский Запад»¹ (генерирующий в 1991 г. почти 50% от суммарного ВВП по всему евразийскому матеру): в 17 и 115 раз соответственно. Даже вне дополнительного учёта экономического «веса» и аттрактивности США (четверть века назад 26% глобального ВВП) и иных их внеевропейских ближайших партнёров и союзников – западный, «европейский» вектор геоэкономической ориентации России, Украины и других новых независимых государств был в этой ситуации практически безальтернативен, предрешён. Последующая деиндустриализация как российской, так и украинской экономик, обретение ими всё более выраженных зависимых, компрадорских черт, продуцируя разрушение ранее сложившихся межстрановых хозяйственных и технико-технологических взаимосвязей лишь усиливали процесс геоэкономической и геополитической «вестернизации». На этом фоне, впрочем, сохранялась и российско-украинская хозяйственная взаимозависимость (в таких сферах, как энергетика, авиа- и ракетостроение, транспортировка углеводородов, угля, металлов и др.), оставались прочными, пролонгированными гуманитарные контакты и приграничные взаимосвязи [28]. Существенное влияние на двухсторонние отношения (в политическом своём аспекте – неустойчивые, вмещающие периоды как дивергенции политических траекторий двух стран, так и их сближения [15, 20, 26]) оказывала также этнолингвистическая специфика Украины с существенной ролью как русского этнического компонента, так и российской культуры (в первую очередь, в её южных и юго-восточных регионах) [23]. Российская Федерация, стремительно теряя свои бывшие геоэкономические (и, соответственно, геополитические) позиции, всё первое постсоветское десятилетие (рис. 1) всё меньше оказывалась способна влиять на ситуацию на Украине. Последняя же, обретя черты «двуликого Януса» [5], ориентированного не только на ЕС и США, но и на восток², всё ощутимее самостоятельно «дрейфовала» на Запад.

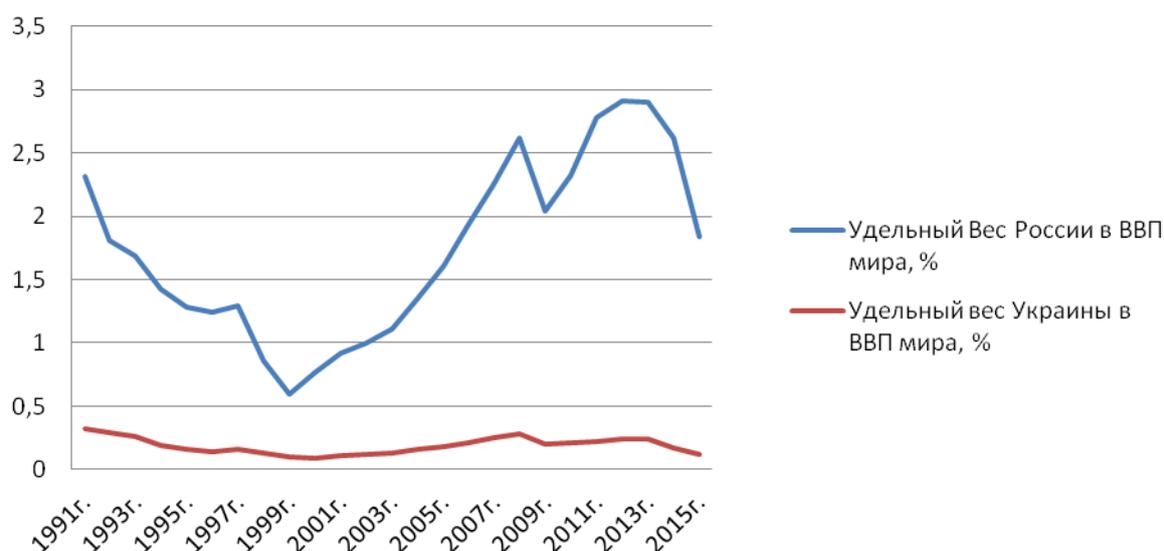

Рис. 1. Удельный вес России и Украины в ВВП мира (по официальному обменному курсу), %*
* рассчитано автором по данным Всемирного банка [8]

С 1999 г. в России, а годом спустя и на Украине (уже полномасштабно проявившей к этому времени свою «рубежную биполярность» [12], «двухполюсность» [5]), начался посткризисный восстановительный экономический рост. С рубежа 2003–2004 г. важнейшим его «драйвером» для Российской Федерации стал стремительный «взлёт» мировых цен на нефть и природный газ (за 2001–2007 гг. стоимость нефти выросла в 4,8 раза), ставших к тому периоду важнейшей статьёй национального экспорта. Конъюнктурная, иллюзорная ипостась «энергетической сверхдержавы»

¹ Европейские государства – члены НАТО и ЕС до 1991 г., а также Австрия, Андорра, Кипр, Мальта, Монако, Лихтенштейн, Финляндия, Швейцария, Швеция.

² С ЕС Украиной в 1994 г. было подписано «Соглашение о партнерстве и сотрудничестве», с РФ в 1997 г. – «Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве»; в 1998 г. – «Договор об экономическом сотрудничестве на 1998–2007 гг.», в 2002 г. – «Соглашение о стратегическом партнерстве в газовой сфере» и др.

укрепила сложившуюся в России политико-экономическую систему, повысила реинтеграционный потенциал Российской Федерации на постсоветском пространстве, в том числе (частично) и её экономическую привлекательность для Украины. Характерно, что даже в период президентства В. Ющенко степень «присутствия» России во внешнеторговом обороте Украины оставалась стабильной (рис. 2), причём значимость РФ как важнейшего направления украинского экспорта в 2005–2007 гг. даже несколько возросла (табл. 1).

Рис. 2. Удельный вес Украины во внешнеторговом обороте России и наоборот (в динамике)*
* рассчитано автором по данным Международного центра торговли (International Trade Centre) [2]

Таблица 1

Доля России, Германии и Польши в экспорте и импорте Украины
(2001–2015 гг.), %*

Год	В экспорте Украины			В импорте Украины		
	Россия	Германия	Польша	Россия	Германия	Польша
2001	22,4	4,2	3,1	36,6	8,5	2,8
2002	17,6	4,1	2,8	37,1	9,6	3,2
2003	18,7	6,2	3,3	37,6	9,9	3,5
2004	17,8	5,7	3,0	40,2	9,4	3,4
2005	21,9	3,8	3,0	35,6	9,4	3,9
2006	22,5	3,3	3,5	30,6	9,5	4,8
2007	25,7	2,7	2,7	27,8	9,6	4,8
2008	23,5	2,7	3,5	22,7	8,4	5,0
2009	21,4	3,1	3,0	29,1	8,5	4,8
2010	26,1	2,9	3,5	36,5	7,6	4,6
2011	29,0	2,6	4,1	35,3	8,3	3,9
2012	25,7	2,4	3,7	32,4	8,0	4,2
2013	23,8	2,5	4,0	30,2	8,8	5,3
2014	18,2	2,9	4,9	23,3	9,9	5,6
2015	12,7	3,5	5,2	20,0	10,6	6,2

* Составлено автором по данным Международного центра торговли (International Trade Centre) [2]

Согласно данным Государственной службы статистики Украины [1] весь период с 2005 по 2013 г. экспорт страны в государства СНГ устойчиво превышал аналогичный показатель в Евросоюз. Его отличал при этом выраженный «несырьевой» характер, позволяющий воспроизводить частично сохранившуюся после 1990-х гг. индустриальную составляющую экономики Украины (так, в частности, в 2008 г. в общей структуре экспорта в Россию доля продукции машиностроения составляла 31,7%, металлургии – 19,6%, услуг – 19,6% [28]). Что касается украинского импорта, то страны СНГ (с абсолютным превалярованием России) занимали в нём лидирующие (в сопоставлении с ЕС) позиции вплоть до 2014 г.

Сочетающийся с укреплением в «нулевые» годы геоэкономических позиций России «восточный вектор» в украинской экономике продолжал доминировать на фоне значимых (и знаковых!) геополитических «подвижек» как на самой Украине, так и сопредельных странах Центральной и Восточной Европы. В 1999 г. в НАТО были приняты Венгрия, Польша и Чехия; в 2004 – Болгария,

Латвия, Литва, Румыния, Словения, Словакия, Эстония; в этом же году Венгрия, Латвия, Литва, Словакия, Словения, Чехия, Эстония вошли в состав ЕС. Одновременно стартовала «Европейская политика соседства», обращённая в том числе и на Украину, где, вероятно, отнюдь не случайно «в унисон» с переносом евро-атлантических рубежей произошла т.н. «оранжевая революция». В 2007 г. Евросоюз пополнился Болгарией и Румынией. В 2004 г. число стран-участников ЕС возросло с 15 до 25, а к 2007 г. оно увеличилось до 27. Завершилось создание единого внутреннего рынка услуг. С 2002 г. осуществлён переход хозяйственного оборота на евро. Стремительное и масштабное продвижение Запада на восток, вызывая всё более выраженное недовольство (и обеспокоенность) России, инициируя её активизирующуюся антизападную позицию (прав Ж. Левек, рассматривая расширение НАТО в направлении российских границ как важнейший фактор формирования российской политики относительно Европы [21]), объективным образом превращало Украину в очередной значимый геополитический рубеж и ареал противостояния, фокусировало внимание на нём основных глобальных и региональных акторов, порождая и для Украины, и для Российской Федерации как хозяйственные риски, так и примат геополитики над экономикой.

Как подметил в 2011 г. В.А. Колосов, «экономические факторы толкают Украину к востоку, политические и «идеологические» факторы, связанные с задачами государственного строительства, – к западу» [28, с. 14]. Период «балансирующего» (между Западом и Россией) президентства В. Януковича (2010–2014 гг.) действительно хронологически совпал с очередным ростом нефтяных цен и, соответственно, укреплением экономических позиций России (чей ВВП по официальному обменному курсу за 2009–2013 гг. вырос в 1,8 раза). Симптоматично, что именно к 2011 г. и российский экспорт на Украину (29 млрд долл. США), и украинский в Россию (19,8 млрд) достигли максимальных за весь постсоветский период величин. Тем не менее именно в эти внешне благоприятные для двухстороннего сотрудничества годы «пик» российско-украинских отношений по многим причинам (глобальным, внутрироссийским, в двухсторонних отношениях) уже оказался пройден. На фоне сложившегося инвестиционного взаимодействия (серьёзные активы на Украине приобрели ТНК «Лукойл», холдинг «Группа-Альянс», консорциум «Альфа-групп», компания «Базовый элемент», АФК «Система», «Сбербанк», «ВТБ» и др.) и кооперации в целом ряде отраслей (в автомобильной, авиационной и ракетно-космической, в сельскохозяйственном, энергетическом и атомном машиностроении, в тепловозо- и судостроении, в цветной металлургии, нефтехимической и нефтеперерабатывающей индустрии [18]) и достигнутых к 2013 г. наивысших за всю постсоветскую историю масштабов взаимного экспорта-импорта услуг (почти 6,5 млрд долл. США) между двумя странами нарастали системные противоречия, а в их экономическом взаимодействии наблюдался с 2012 г. устойчивый понижающийся тренд. Свёртывалось, прежде всего, сотрудничество в важнейшей для двух стран газовой сфере: развивая газотранспортную инфраструктуру (равно как и железнодорожную, портовую [39]) в обход Украины, Россия параллельно устойчиво теряла украинский рынок. Если в 2006–2008 гг. объём поставляемого Россией на Украину природного газа варьировал в диапазоне 55–59 млрд м³ (при постсоветском максимуме в 1998 г. в 60,9 млрд), то в 2011 г. (по данным «Газпрома») соответствующий показатель составил 44,8 млрд, в 2012 г. – 32,9 и в 2013 г. – 25,8 млрд м³ (что тем не менее обеспечивало 85% потребления природного газа на Украине [31]). В этой связи «проседал» взаимный товарооборот, а «европейский» вектор внешнеэкономической ориентации Украины, напротив, стабильно усиливался (рис. 3).

Рис. 3. Доля стран ЕС в украинском экспорте (импорте) товаров, %*

* рассчитано автором по данным Государственной службы статистики Украины [1]

Видоизменялись, впрочем, не только российско-украинские отношения, но и весь евразийский, глобальный геоэкономический, геополитический контекст. Именно новые глобальные реалии явились основополагающей причиной сложившейся после зимы-весны 2014 г. экономической ситуации в России, на Украине и предопределили не только количественные, но и качественные (с большими дистанцированностью, недоверием, отчуждением) подвижки во взаимодействии двух стран.

Основные тренды реструктуризации экономического пространства современной Евразии и их проекция на российско-украинские отношения. Возникшее с распадом СССР преимущественное экономическое доминирование на евразийском пространстве Запада (евроатлантической геополитической системы) оказалось зыбким, недолговечным, и это предопределялось рядом значимых обстоятельств.

Прежде всего, это связано с характерным для «нулевых годов» XXI в. укреплением экономических позиций РФ. Существенно (в 3,6 раза) нарастив меру своего «присутствия» в совокупном ВВП евразийского материка и став значимым фокусом генерирования, аккумуляции и перераспределения природно-ресурсной ренты, Россия смогла приступить к реальному выстраиванию собственной геоэкономической конструкции [38]. На этом фоне начало усиливаться (или частично восстанавливаться) российское экономическое и культурное присутствие в некоторых государствах Средней Азии, Закавказья. С 2010 г. (с момента начала действия Таможенного союза) стала понемногу возрастать степень сопряженности российской, казахстанской и белорусской экономик. Интеграционные процессы в хозяйственной сфере подкрепил «стартовавший» в 2015 г. «Евразийский экономический союз» (ЕАЭС), превращая постсоветское пространство не только в ареал острейшего (с весны 2014 г.) противостояния России и Запада [13], но и, по некоторым экспертным оценкам [10], в едва ли не самый быстроразвивающийся полюс интеграционных процессов в современном мире. Тем не менее не Россия, Индия, монархии Персидского залива, Иран, Турция (все они одновременно демонстрировали опережающий экономический рост), а именно КНР оказался ведущим драйвером коренной трансформации геоэкономического ландшафта материка, в результате которой уже к 2013 г. потенциалы ШОС (вместе с тяготеющими к этому объединению государствами) и совокупной группировки стран «европейского Запада» стали практически равновесными даже по такому изначально «западоцентрированному» показателю, как «ВВП по официальному обменному курсу»¹ (табл. 2).

Таблица 2

Удельный вес отдельных метарегионов, интеграционных объединений и государств в совокупном ВВП (по официальному обменному курсу) на материке Евразия, %*

Метарегионы, интеграционные объединения и государства	Удельный вес в совокупном ВВП			
	1992 г.	2000 г.	2013 г.	2015 г.
Государства Евразийского экономического союза, в т.ч. Россия	2,82	1,41	5,18	3,37
«Старый европейский Запад»	2,57	1,25	4,52	2,83
«Новый европейский Запад» ²	49,61	44,39	38,33	36,36
Государства, входящие в ШОС	1,66	2,06	2,89	2,74
КНР	7,30	9,91	28,83	31,84
Япония	2,58	5,84	19,45	23,41
Индия	21,54	22,83	9,94	8,77
Индия	1,64	2,30	3,77	4,46
Турция	0,88	1,28	1,67	1,52
Саудовская Аравия	0,76	0,91	1,51	1,37
Иран	0,48	0,53	1,03	0,93
Украина	0,40	0,15	0,37	0,19

* Составлено автором по данным Всемирного банка [8]

Стремление не только традиционно «сдерживать Россию» [6], но и «остановить Китай» [7], воспрепятствовать нежелательному изменению глобального баланса сил – одна из фундаментальных причин экспансии евроатлантических структур, характерной для последних лет, в восточном и юго-восточном направлениях. Все последние годы Запад ускоренно «столбит территории»,

¹ При исчислении ВВП по паритету покупательной способности (ППС) доля «европейского Запада» в 2015 г. не превышала 26,8 %, в то время как ШОС с государствами-партнёрами достигла 48,8 %.

² Албания, Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Чехия, Хорватия, Эстония.

переформатирует, перенастраивает на себя страновые экономики, пытается трансформировать местную идентичность, однако реальный геоэкономический эффект его от «постсоветского» расширения невелик: новые периферийные «приобретения» лишь частично компенсируют трендовый (фиксируемый уже почти десятилетие [33]) «переток» экономического и демографического потенциала на восток, юг и юго-восток Евразии. Не решаются в полном объёме и внутренние задачи: приостановить стагнационные и дезинтеграционные процессы внутри ЕС, обосновать целесообразность и нарастить эффективность НАТО (как констатируют аналитики, её расширение тоже зашло в тупик [21]).

Свершившаяся зимой 2014 г. «революция достоинства» (она же «государственный переворот») при всём многообразии и существенности собственно внутриукраинских мотивов – лишь фрагмент, одна из площадок «схлёстывания» глобальных геополитических интересов, инициируемых, в свою очередь, масштабнейшими экономическими и демографическими изменениями («тектоническими сдвигами», по выражению В.А. Шупера [36]). Последние многоплановы, трудно прогнозируемы в своих последствиях; их проявления существенно корректируемы глобальной и страновой экономической ритмикой и конъюнктурой.

Лишь отчасти связанные с «украинским кризисом» кардинальные подвижки на мировых рынках энергоносителей (с августа по декабрь 2014 г. мировая цена на нефть снизилась практически в 2,5 раза и в дальнейшем стабилизировалась примерно на 40–45% от «привычного» ранее уровня) нанесли ощутимый удар по экономике не только России, но и многих сопредельных евразийских государств. За 2013–2015 гг. совокупный ВВП двенадцати локализованных в Евразии стран – ведущих поставщиков нефти и природного газа сократился с 4,9 до 3,6 трлн долл. США, т.е. на треть. В этой связи даже на фоне намечаемого выхода Великобритании из ЕС сохраняется предположение, что «процесс интеграции Европы далек от завершения» [34].

Время тем не менее работает не на объединённую Европу, и не на США. Реализуя свой фактически глобальный геоэкономический проект, «Срединное государство» (Чжунго-中国) уже доминирует на рынках Пакистана, Таджикистана, Киргизии, Ирана, Монголии и имеет устойчивые интересы в Индии, странах Персидского залива; растёт поддерживаемый экономическим ростом в Китае трансконтинентальный транзит; реализуются крупные инфраструктурные проекты [14]. Постепенно перенастраивает на КНР свою экономику и Россия (если в первом квартале 2008 г. доля Китая во внешнеторговом обороте России составляла 7,8, то в 2014 – 11,1, а в 2017 г. – 14,3%). Аналогичные изменения происходят, к примеру, в Турции; характерны они и для Украины. Сформулированная Председателем КНР Си Цзиньпином осенью 2013 г. концепция «Один пояс и один путь» является в этой связи знаковой и, по сути, общеевразийской [16], знаменующей перспективу новой реконфигурации геоэкономического (а, соответственно, и геополитического) ландшафта Евразии. Обретя за истекшую четверть века преимущественно ориентированный на Запад геоэкономический вектор, и Украина, и Россия (равно как и целый ряд сопредельных с ними государств) оказываются в ареале геостратегической неопределённости, размежевания, столкновения интересов явных и латентных «центров силы».

Кризис российско-украинских отношений 2014–20... гг.: некоторые геоэкономические итоги. Зримый, многоаспектный кризис в российско-украинских отношениях полномасштабно затронул экономическую сферу. Его негатив оказался приумножен конъюнктурой на рынках энергоносителей; наиболее ощутимо, болезненно кризисные процессы проявились именно на Украине.

Украинское общество, вероятно, отчасти и «вернулось к европейскому вектору» [29], тем не менее цена фактического раскола страны, равно как и интенсификации геополитического и геоэкономического «развода» с Россией, оказалась крайне высока. Вне украинской юрисдикции остались порядка 12% её населения (по состоянию на 2013 г.), а также производственные активы, обеспечивающие до 11% суммарного объёма валового регионального продукта. За 2014–2015 гг. ВВП Украины сократился в 2 раза (с 183 млрд долл. США в 2013 г. до 91 млрд в 2015 г.) и лишь в 2016 г. (по данным украинской статистики) экономика страны продемонстрировала некоторый рост (на 2,3%); оборот внешней торговли при этом «упал» в 1,86 раза (что, по нашим подсчётам, на 40% связано со «свёртыванием» отношений именно с Россией).

Обретя в 2006 г. статус «страны с рыночной экономикой», так и не сумев за постсоветский период восстановить уровень ВВП 1990 г. [9], Украина «погрузилась» в новую инвестиционную «яму» [17, 35]. Вместо необходимой для осуществления неоиндустриализации позитивной инвестиционной динамики в стране царит регресс. Неустойчивость финансового состояния предприятий промышленности (и в 2016 г., и в начале 2017 г. государственная статистика фиксирует спад в

индустриальной сфере Украины [1]) вызывает нехватку собственных средств и долговую зависимость, не позволяя поддерживать необходимый уровень валовых сбережений, следовательно, и валового накопления основного капитала. Постоянное сокращение чистой прибыли предприятий приводит к затуханию инвестиционной активности в промышленности.

Кризис в двухсторонних отношениях, а также пролонгация деиндустриализации способствовали ускоренному падению закупок Украиной российского природного газа (7,8 млрд м³ в 2015 г.), что де-факто превратило страну во второстепенный рынок для «Газпрома» и его дочерних структур. В свою очередь, Украина практически утратила традиционно значимый для целого ряда её регионов (особенно южных [40]) российский рынок продовольствия. Реализуемая в России политика импортозамещения по ключевым своим моментам демонстрирует эффективность: даже в условиях экономического кризиса за 2013–2016 гг. производство мяса крупного рогатого скота возросло на 9%, свинины – 53%, птицы – 24%, масла сливочного – на 10%, сыров – на 38%. На Украину же по итогам 1-го квартала 2017 г. приходится лишь 0,5% ввозимых Россией продовольственных товаров (что эквивалентно 33,9 млн долл. США). В целом же к 1-му кварталу 2017 г. доля России в украинском экспорте составила лишь 9%, а в импорте – 13,4%. Удельный вес Украины во внешнеторговом обороте РФ в этот же период также достиг минимальных за всю постсоветскую историю 2%. При этом характерно, что и по экспорту, и по импорту Россия продолжала оставаться приоритетным (опережающим другие страны) внешнеторговым партнёром Украины.

За последние три года существенные потери понесла не только украинская, но и российская экономика. Объём внешней торговли РФ «съёжился» в 1,6 раза, а ВВП (по официальному обменному курсу) в 1,63 раза. Ощутимо снизилась инвестиционная активность (её объём в 2016 г. составил лишь 88% уровня 2013 г.). По величине генерируемой экономикой ВВП Россия оказалась отброшена к 2007 г., а Украина – 2005 г. Обе страны, в итоге, продемонстрировали крайне высокую степень зависимости от глобальной экономической ритмики и сложившихся ранее экономических партнёрств.

Характерно, что вплоть до 2014 г. Россия не только выступала в плотной геоэкономической «связке» с Украиной, но и в 2000–2008 гг. и 2010–2013 гг. являлась для неё во многом своеобразным «локомотивом». Именно в эти временные периоды благоприятной для России глобальной конъюнктуры Украина наращивала свою долю в мировом ВВП, впрочем, при этом за весь постсоветский период ни разу так и не преодолев стартовую планку 1991 г. (России, замечу, это удалось в 2008 г., а также в 2010–2014 гг.). В 1999 г. соотношение «массы» российской и украинской экономик составляло 6 к 1, в 2013 г. – 12,2 к 1. Степень влияния России на Украину в этой ситуации объективно существенно возрастала. В 2015 г. российская и украинская экономики (по ВВП) соотносились уже как 15 к 1, и углубляющаяся асимметрия проецировалась на доходы населения, его потребительский потенциал, стоимость рабочей силы (по ситуации на середину 2017 г. средняя заработная плата в России была эквивалентна 650 долл. США, а на Украине – 250). Для Украины ныне и в перспективе (в грядущий «посткризисный» период) российский вектор «социально-экономической гравитации» в этой связи, безусловно, существенен. Но с 2008 г. российская экономика, фактически, «топчется на месте»; восстановление геоэкономических позиций страны уровня 2008 г. даже при благоприятном сценарии потребует не менее 5–7 лет. На Украине в активную экономическую и политическую жизнь уже вступили постсоветские поколения и в этом контексте нельзя не отметить характерное именно для трёх последних лет резкое снижение привлекательности России для ориентированных на зарубежные заработки украинских домохозяйств (каждая пятая семья Украины имеет своего представителя, временно работающего в другой стране [27]). Украинское общество зримо переориентируется на рынки труда западно- и центрально-европейских стран. Симптоматично, что если в 2013 г. сумма переводов физических лиц из России на Украину составляла (по данным ЦБ РФ) 3,42 млрд долл. США, то в 2015 г. – лишь 1,25 млрд. И это лишь одна из граней ныне ускоренно реализуемого преимущественно геополитическими (и геоидеологическими) методами структурного реформирования украинской экономики, её более глубокой, превалирующей ориентации на Запад (в качестве рынка сбыта, «резервуара» рабочей силы, а также поставщика сельхозсырья). Одновременно решаются и задачи разрушения «украинской составляющей» российской экономики (как полагают [25], потеря украинского рынка ограничит возможности развития экономики России) с целью геоэкономического «сдерживания» РФ, а также «зачистки» ряда сегментов российского импорта от украинских товаропроизводителей (сохраняющих, кстати, заинтересованность в российском рынке [40]), в интересах западных корпораций (и их российских филиалов). Борьба (геоэкономическая и геополитическая) идёт при этом, конечно же, уже не столько «за Украину», сколько «за Россию» (основной и узловым фрагмент евразийского пространства).

Заключение

Трендовая для постсоветского периода (лишь акцентированная геополитическими событиями последних трёх лет) деградация и дезагрегация российско-украинских отношений знаменует собой и фактическое исчерпание «инерции СССР», и новые евразийские реалии, в которых ни Россия (несмотря на обширность её территории и сохраняющийся военно-стратегический потенциал), ни тем более Украина, попавшая в геополитические жернова между Россией и Западом [20], оказавшись в ареале депопуляции, в стороне от доминирующих транспортно-логистических скрепов и осей геоэкономического взаимодействия), уже не способны претендовать на какие-либо лидерские позиции в обретающей многополюсность планетарной экономической центрально-периферийной системе. Акцент на собственном государственном строительстве, национальных интересах, равно как инициируемое глобальными процессами геополитическое размежевание не отменяют, впрочем, ни существенности для России и Украины фактора их геоэкономического соседства, ни близости сформированных столетиями совместной геоистории культурных, поведенческих кодов, ни общих для двух стран этнокультурных, социодемографических, природно-хозяйственных и геополитических вызовов. Российско-украинская экономическая взаимозависимость (ныне по многим аспектам исчезающая, «замещаемая» на связи с ЕС, а уже в среднесрочной перспективе и с Китаем) в данном контексте сохраняет свои фундаменты, резоны и, надеемся, позитивные перспективы.

Библиографический список

1. База данных Государственной службы статистики Украины. URL: <http://www.ukrstat.gov.ua/> (дата обращения: 12.06.2017).
2. База данных Международного центра торговли. URL: <http://www.intracen.org/itc/market-info-tools/statistics-import-country-product/> (дата обращения: 14.06.2017).
3. База данных Росстата. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 14.06.2017).
4. База данных Федеральной таможенной службы. URL: <http://www.customs.ru/> (дата обращения: 15.06.2017).
5. Багров Н.В. Региональная геополитика устойчивого развития. Киев: Лыбидь, 2002. 256 с.
6. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 1998. 308 с.
7. Брюне А., Гишар Ж.-П. Геополитика меркантилизма: новый взгляд на мировую экономику и международные отношения: пер. с фр. М.: Новый хронограф, 2012. 232 с.
8. Всемирный Банк. Индикаторы мирового развития. URL: http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?Code=NY.GDP.MKTP.CD&id=1ff4a498&report_name=Popular-Indicators&populartype=series&ispopular=y (дата обращения: 10.06.2017).
9. Гесць В.М. 25 Років трансформаційних змін. Що дали? // Економіка і прогнозування. 2016. №2. С. 7–8.
10. Головин М., Захаров А., Уикалова Д. Экономическая интеграция: уроки для постсоветского пространства // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т.60. №4. С. 61–69.
11. Дергачёв В.А. Морехозяйственный комплекс Азово-Черноморского региона СССР: экономико-географические аспекты // Южные моря СССР: географические проблемы исследования и освоения. Л.: Геогр. об-во СССР, 1989. С. 39–50.
12. Дергачёв В.А. Раскалённые рубежи. Одесса, 1998. 245 с.
13. Дружинин А.Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа. Ростов н/Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2016. 228 с.
14. Дружинин А.Г. Геоэкономические взаимозависимости и геополитические альянсы в современном евразийском пространстве // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2017. №6. С. 24–38.
15. Ильин М.В. Этапы становления внутренней геополитики России и Украины // Полис. 1998. №3. С. 86–90.
16. Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи (аналитический доклад). М.: Научный эксперт, 2016. 126 с.
17. Ключкова И.В. Макроструктурный дизайн економік українита країн ОЕСР // Економіка і прогнозування. 2016. №3. С. 7–28.
18. Кузнецов А. Российские прямые инвестиции в странах СНГ // Международные процессы. 2012. №2. С. 18–28.
19. Лапкин В.В. Украина и Россия. Альтернативы политического развития // Мировая экономика и

международные отношения. 2009. №12. С. 78–89.

20. Лапкин В.В., Пантин В.И. Кризис украинской государственности: политико-правовой, ценностный и геоэкономический аспекты // *Polis. Political Studies*. 2014. №5. С.68–89.

21. Левек Ж. Российская стратегия в контексте украинского кризиса: следует ли ожидать пересмотра *Rex Americana* в Европе? // *Россия – 2016: ежегодный доклад*. Франко-российский аналитический центр «Обсерво». Париж, 2016. С. 186–195.

22. Матишов Г.Г. Опасные тенденции и риски на южном фланге России. Ростов н/Дону: Изд-во Юж. науч. центра РАН, 2016. 285 с.

23. Мезенцев К.В., Гнатюк А.М. Русская культура в Украине: региональные тренды и идентичность // *Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты* / под ред. А.Г. Дружинина и В.Н. Стрелецкого. Ростов н/Дону: Изд-во ЮФУ, 2014. С. 378–397.

24. Мироненко Н.С., Твердохлебов И. Т. Рекреационная география. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 207с.

25. Пантин В., Лапкин В. Внутри- и внешнеполитические факторы интеграции Украины с Россией и ЕС // *Мировая экономика и международные отношения*. 2012. №11. С. 50–56.

26. *Политические и экономические преобразования в России и Украине*. М., 2003. 125 с.

27. Прибыткова И.М. Трудовая миграция населения Украины в условиях трансформации // *Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты*. 2003. С. 17–31.

28. *Российско-украинское приграничье: двадцать лет разделённого единства* / под ред. В.А. Колосова и О.И. Вендиной. М.: Новый хронограф, 2011. 352 с.

29. Руденко Л.Г., Лісовський С.А., Маруняк Є.О. Выклики і загрози просторового розвитку України на шляху до євроінтеграції // *Український географічний журнал*. 2016. №1. С. 41–46.

30. *СССР и союзные республики в 1988 году*. М.: Финансы и статистика, 1989. 256 с.

31. Сущенко А. Аналитический доклад: новая украинская политика России. URL: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/novaya-ukrainskaya-politika-rossii> (дата обращения: 17.06.2017).

32. Суцкий С.Я. Украина – Россия – Мир: до и после 2014 года (некоторые аспекты взаимодействия). М.: Ленанд, 2015. 334 с.

33. Хесин Е.С. Меняющийся глобальный экономический ландшафт // *География мирового развития* / под ред. Л.М. Синцера. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. Вып. 2. С. 22–42.

34. Шейнис В. Европейская интеграция вчера и сегодня // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т.61. №1. С. 53–66.

35. Шовкун І.А. Неоіндустріалізація в Україні: чи є макроекономічні передумови та інвестиційний потенціал? // *Економіка і прогнозування*. 2016. №4. С. 48–69.

36. Шупер В.А. Территориальная организация населения и хозяйства России накануне тектонических сдвигов // *Вопросы географии*. Сб. 141. Проблемы регионального развития России / отв. ред. В.М. Котляков, В.Н. Стрелецкий. О.Б. Глезер, С.Г. Сафронов. М.: Кодекс, 2016. С. 529–539.

37. *Экономическая и социальная география стран ближнего зарубежья*. М.: Дрофа, 2004. 576 с.

38. Druzhinin A. Russia in modern Eurasia: The Vision of a Russian Geographer // *Quaestiones Geographicae*. 2016. №35(3). P. 31–39.

39. Radvanyi J. Quand Vladimir Poutine se fait géographe... // *Hérodote. Géopolitique de la Russie*. 2017. №166–167. P. 113–132.

40. Shelest H. After the Ukrainian crisis: Is there a place for Russia? // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2015. Vol. 15. Issue 2. P.191–201.

References

1. Baza danykh Gosudarstvennoy sluzhby statistiki Ukrainy [Database of the State statistics service of Ukraine], available at: <http://www.ukrstat.gov.ua/> (Accessed 12.06.2017).

2. Baza danykh Mezhdunarodnogo tsentra tovgovli [Database of International trade center], available at: <http://www.intracen.org/itc/market-info-tools/statistics-import-country-product/> (Accessed 14.06.2017).

3. Baza danykh Rosstata [Database of Rosstat], available at: <http://www.gks.ru/> (Accessed 14.06.2017).

4. Baza danykh Federal'noy tamozhennoy sluzhby [Database of the Federal customs service], available at: <http://www.customs.ru/> (Accessed 15.06.2017).

5. Bagrov N.V. (2002), *Regional'naya geopolitika ustoychivogo razvitiya* [Regional geopolitics of sustainable development]. Lybid', Kiev.

6. Bzhezinskiy Z. (1998), *Velikaya shakhmatnaya doska (Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy)* [The Grand chessboard (the Domination of America and its geostrategic imperatives)]. Moskva, Mezhdunarodnye otnosheniya.

7. Bryune A., Gishar Zh.-P. (2012), Geopolitika merkantilizma: novyy vzglyad na mirovuyu ekonomiku i mezhdunarodnye otnosheniya [Geopolitics of mercantilism: a new view of the world economy and international relations]: per. s fr. / Gishar Zhan-Pol', Bryune Antuan. M.: Novyy khronograf.
8. Vsemirnyy Bank. Indikatory mirovogo razvitiya [The World Bank. World development indicators], available at: http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?Code=NY.GDP.MKTP.CD&id=1ff4a498&report_name=Popular-Indicators&populartype=series&ispopular=y (Accessed 10.06.2017)
9. Geets' V.M. (2016), 25 Rokiv transformatsiy zmin. Shcho dali? [Transformational 25 years. What is given?], *Ekonomika i prognozuvannya*, no. 2. pp. 7–8.
10. Golovnin M., Zakharov A., Ushkalova D. (2016), Ekonomicheskaya integratsiya: uroki dlya postsovetskogo prostranstva [Economic integration: lessons for the post-Soviet space], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, t. 60, no. 4. pp. 61–69.
11. Dergachev V.A. (1989), Morekhozyaystvennyy kompleks Azovo-Chernomorskogo regiona SSSR: ekonomiko-geograficheskie aspekty [Marine economic complex of the Azov-black sea region of the USSR: economic-geographical aspect], *Yuzhnye morya SSSR: geograficheskie problemy issledovaniya i osvoeniya*, pp. 39–50.
12. Dergachev V.A. (1998), *Raskalennyye rubezhi* [Flaming frontiers]. Odessa, Ukrain.
13. Druzhinin A. G. (2016), *Rossiya v mnogopolysnoy Evrazii: vzglyad geografa-obshchestvoveda: monografiya* [Russia in a multipolar Eurasia: a view of the geographer-scientist: monograph], Yuzhnyy federal'nyy universitet. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Yuzhnogo federal'nogo universiteta.
14. Druzhinin A.G. (2017), Geoekonomicheskie vzaimozavisimosti i geopoliticheskie al'yansy v sovremennom evraziyskom prostranstve [Geo-economic interdependence and geopolitical alliances in modern Eurasia] // *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik ARGO*. no. 6. pp. 24–38.
15. Il'in M.V. (1998), Etapy stanovleniya vnutrenney geopolitiki Rossii i Ukrainy [Stages of formation of inner geopolitics of Russia and Ukraine], *Polis*, no 3. pp. 86–90.
16. Kitayskiy global'nyy proekt dlya Evrazii: postanovka zadachi (analiticheskiy doklad) (2016) [Chinese global project for Eurasia: the problem statement]. Moskva: Nauchnyy ekspert,
17. Kryuchkova I.V. (2016), Makrostrukturnyy dizayn ekonomik ukrainita krain OESR [Macro-structural design of the Ukrainian economy], *Ekonomika i prognozuvannya*, no 3, pp. 7–28.
18. Kuznetsov A. (2012), Rossiyskie pryamyie investitsii v stranakh SNG [Russian direct investments in CIS countries], *Mezhdunarodnye protsessy*. no 2. pp. 18–28.
19. Lapkin V.V. (2009), "The Ukraine and Russia. Alternatives of political development", *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 12, pp. 78–89.
20. Lapkin V.V., Pantin V.I. (2014), Krizis ukrainskoy gosudarstvennosti: politiko-pravovoy, tsenostnyy i geoekonomicheskiy aspekty [Crisis of the Ukrainian statehood: political and legal, valuable and geo-economic aspects], *Polis. Political Studies*, no 5. pp. 68–89.
21. Levek Zh. (2016), Rossiyskaya strategiya v kontekste ukrainskogo krizisa: sleduet li ozhidat' peresmotra Pax Americana v Evrope? [Russian strategy in the context of the Ukrainian crisis: should we expect a revision of the Pax Americana in Europe?], *Rossiya – 2016. Ezhegodnyy doklad*. Franko-rossiyskiy analiticheskiy tsentr «Observo», Parizh, pp.186–195.
22. Matishov G.G. (2016), Opasnye tendentsii i riski na yuzhnom flange Rossii [Threat trends and risks on the southern flank of Russia]. Rostov-na-Donu, Yuzhnyy nauchnyy tsentr RAN.
23. Mezentsev K.V., Gnatyuk A.M. (2014), Russkaya kul'tura v Ukraine: regional'nye trendy i identichnost' [Russian culture in Ukraine: trends and regional identity], *Fenomen kul'tury v rossiyskoy obshchestvennoy geografii: ekspertnye mneniya, analitika, kontsepty*. Pod red. A.G. Druzhinina i V.N. Streletskogo. Rostov-na-Donu: Izd-vo YuFU, pp. 378–397.
24. Mironenko N.S., Tverdokhlebov I.T. (1981), *Rekreatsiyonnaya geografiya* [Recreational geography]. M., Izd-vo Moskovskogo un-ta.
25. Pantin V., Lapkin V. (2012), Vnutri- i vneshnepoliticheskie faktory integratsii Ukrainy s Rossiey i ES [Internal and external factors of Ukraine's integration with Russia and the EU], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 11. pp. 50–56.
26. Politicheskie i ekonomicheskie preobrazovaniya v Rossii i Ukraine (2003), [Political and economic transformations in Russia and Ukraine], Moskva.
27. Pribytkova I.M. (2003), Trudovaya migratsiya naseleniya Ukrainy v usloviyakh transformatsii // Trudovaya migratsiya v SNG: sotsial'nye i ekonomicheskie efekty [Labour migration of the Ukrainian population in the conditions of transformation]. pp. 17–31.

28. Rossiysko-ukrainskoe prigranich'e: dvadtsat' let razdelennoho edinstva (2011) [The Russian-Ukrainian borderland: twenty years of divided unity], in V.A. Kolosova and O.I. Vendinoy (ed.), M. Novyy khronograf.
29. Rudenko L.G., Lisovs'kiy S.A., Marunyak E.O. (2016), Vykliki i zagrozi prostorovogo razviitku Ukraïni na shlyakhu do evrointegratsii [Opportunities and threats for the spatial development of Ukraine towards European Integration], Ukraïns'kiy geografichniy zhurnal, no. 1. pp. 41–46.
30. SSSR i soyuznye respubliki v 1988 godu (1989)[The USSR and the Federal Republics in 1988]. M.: Finansy i statistika.
31. Sushchentsov A. Analiticheskiy doklad: novaya ukrainskaya politika Rossii [Analytical report: the new Ukrainian policy of Russia], available at: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/novaya-ukrainskaya-politika-rossii> (Accessed 17.06.2017).
32. Sushchiy S.Ya. (2015), *Ukraina – Rossiya – Mir: do i posle 2014 goda (nekotorye aspekty vzaimodeystviya)*, [Ukraine – Russia – World: before and after 2014 (some aspects of interaction)]. Moskva, Lenand.
33. Khesin E.S. (2010), Menyayushchiysya global'nyy ekonomicheskiy landschaft [The changing global economic landscape], Geografiya mirovogo razvitiya. Vypusk 2. Sbornik nauchnykh trudov, in L.M. Sintserova (ed.), M.: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK. pp.22–42.
34. Sheynis V. (2017), Evropeyskaya integratsiya vchera i segodnya [European integration yesterday and today] // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya, t. 61, no 1. pp. 53–66.
35. Shovkun I.A. (2016), Neoindustrializatsiya v Ukraïni: chi e makroekonomichni peredumovi ta investitsiyniy potentsial? [Neoindustrialization in Ukraine], Ekonomika i prognozuvannya, no. 4. pp. 48–69.
36. Shuper V.A. (2016), Territorial'naya organizatsiya naseleniya i khozyaystva Rossii nakanune tektonicheskikh sdvigoov [The territorial organization of the population and economy of Russia on the eve of the tectonic shifts], Voprosy geografii. Sb. 141. Problemy regional'nogo razvitiya Rossii / Otv. red.: V.M. Kotlyakov, V.N. Streletskiy. O.B. Glezer, S.G. Safronov M.: izdatel'skiy dom «Kodeks». pp. 529–539.
37. Ekonomicheskaya i sotsial'naya geografiya stran blizhnego zarubezh'ya (2004) [Economic and social geography of the CIS countries]. M.: Drofa.
38. Druzhinin A. (2016), “Russia in modern Eurasia: The Vision of a Russian Geographer”, *Quaestiones Geographicae*, 35(3), pp. 31–39.
39. Radvanyi J. (2017), Quand Vladimir Poutine se fait géographe...// Hérodote. Géopolitique de la Russie, no. 166–167. pp. 113–132.
40. Shelest H. (2015), “After the Ukrainian crisis: Is there a place for Russia?”, *Southeast European and Black Sea Studies*, Vol.15, Is. 2. pp.191–201.

Поступила в редакцию: 15.11.2017

Сведения об авторе

Дружинин Александр Георгиевич
доктор географических наук, профессор,
директор Северо-Кавказского НИИ
экономических и социальных проблем,
Южный федеральный университет;
Россия, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая,
105;
профессор-исследователь, Балтийский
федеральный университет им. И. Канта;
Россия, 236041, г. Калининград, ул. А. Невского,
14

About the author

Alexander G. Druzhinin
Doctor of Geographical Sciences, Professor,
Director of the North-Caucasus Research Institute
for Economic and Social Problems,
Southern Federal University;
105, Bolshaya Sadovaya st., Rostov-on-Don,
344006, Russia;
Research Professor, Immanuel Kant Baltic Federal
University;
14, A. Nevskogo st., Kaliningrad, 236041, Russia

e-mail: alexdru9@mail.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Дружинин А.Г. Эволюция российско-украинских отношений в постсоветский период: геоэкономический аспект // Географический вестник = Geographical bulletin. 2018. №2(45). С. 28–39. doi 10.17072/2079-7877-2018-2-28-39

Please cite this article in English as:

Druzhinin A.G. The evolution of Russian-Ukrainian relations in the post-Soviet period: geoeconomic aspect // Geographical bulletin. 2018. №2(45). P. 28–39. doi 10.17072/2079-7877-2018-2-28-39